

Литература

(Окончание. Начало в №11)

Из письма Толстого к будущей жене Софье Андреевне Миллер: "Во мне есть постоянная грусть каждого мгновения; никогда, с тех пор как я стал мыслить, а началось это в ранней юности, я не был в согласии с самим собой...". Да, его творчество полно драматизма жизни, но в быту, в дружеской переписке "бьет фонтан" юмора, иронии, остроумной веселости до озорства. Он объяснял это так: "Я понимаю, отчего натуры такие глубоко печальные, как Мольер и Гоголь, могли быть такими комиками. Чтобы хорошо передать что-нибудь... нужно быть вне этого, так же как надо выйти из дому, чтобы срисовать фасад здания". Отсюда на противоположном от его "серьезных жанров" полюсе – уникальное явление Козьмы Пруткова, чьи афоризмы сегодня с рекламным отсутствием меры прокатывает современное радио.

Миф Козьмы Пруткова родился в шумных дружеских сходках молодых даровитых и фрондирующих аристократов братьев Жемчужниковых – Алексея и Владимира, иногда к ним присоединялся Александр – и их двоюродного брата Алексея Толстого. Владимир Жемчужников, составивший "Полное собрание сочинений" Козьмы Пруткова, первое издание которого вышло в 1884 году, а двенадцатое (!) – в 1916-м, объяснял, что их герой "художнически создавался" в той эпохе, "когда всякий, без малейшей подготовки, брал на себя всевозможные обязанности (как это знакомо! – В.К.), если Начальство на него их налагало...". Девиз одного из таких высокопоставленных чиновников – Клейнмихеля – "Усердие все превозмогает" они сделали афоризмом своего подопечного.

Дух Пруткова витал, где хотел, во всей литературе послепушкинских 40-50-х годов. Все, к чему прикасался он, "разрабатывая темы" ориги-

нальной и подражательной поэзии, вульгарного романтизма, модного культа поэзии Гейне, культов Греции и Испании, обретало выражение "гениального идиотизма". Создатель Пруткова знал тайны соседства великого и смешного. Да, "эолова арфа", но – безнадежно расстроенная...

Отзываясь на все и все доводя до абсурда, Козьма Прутков, по замыслу "отцов-создателей", оставался самим собой: отставным гусаром, пожизненным директором Пробириной палатки, действительным статским советником со Св. Станиславом I степени, тщеславным и самодовольным, самоуверенным до грубости. В горделивой позе его портрета можно усмотреть доведенные до предела самонадеянности черты пародируемого им романтического поэта Бенедиктова. Не стареет один из "прутковских шедевров", вышедший из-под пера Толстого:

"Вы любите ли сыр?" –
спросили раз ханжу,
"Люблю, – он отвечал, –
я вкус в нем нахожу".

К "прутковкиане" тяготеет толстовская озорная сатира: "Сон Попова", "История государства Российского от Гос-томысла до Тимашева"...

Время несло и свои печали. В декабре 1857 года окончился земной путь пламенного Перовского, дважды управлявшего Оренбургским краем. Современник писал: "Он скончался в Ореанде, императорской вилле, на Южном берегу "Крыма" и похоронен в церкви монастыря Святого Георгия (близ Севастополя. – В.К.). Умер он как герой и как философ: своему врачу... велел... сказать час или по крайней мере день смерти, заранее заказав гроб... сделал все распоряжения относительно наследства и скромных похорон и спокойно испустил дух". Толстой – Софья Миллер: "...Се-

годня мы отнесли дядю в церковь; мы несли его на руках; дорога была покрыта зеленью – лавровые ветки, ветки роз-марина в цвету... Сад полон птицами, которые щебечут; особенно много дроздов. В лучах солнца пляшут мириады мушек..."

Жизнь, как всегда, спорила с тлением... С дядей он хоронил, может быть, самое противоречивое из поколений России. Монархисты без страха и упрека, герои-победители в Отечественной войне 1812 года, они, возвращаясь из побежденной либеральной Франции, принесли в душах семени грядущих поражений. Чуткий художник Толстой, на которого время часто смотрело глазами братьев Перовских, был во многом сыном этих противоречий. Он публиковал свои былины в "Вестнике Европы" западника Стасюлевича, отстаивал европейский путь развития России, иронизировал над "кучерской одеждой, в которой щеголяли... Константин Аксаков и Хомяков" – славянофилы, но был ли он западником? С 1857 года он перестал печататься в "Современнике" Некрасова – "наши пути разные...". В письме 1868 года уверяет поэта Полонского, что искусство "не умрет и не

эта – "одного в поле воина" – во всех жанрах отстаивающего художественной силой народные идеалы.

"Особая позиция" определяла и отношения Толстого с государем. Они отличались той "благородной непоследовательностью", которую поэт видел в близком к себе образе князя Серебряного из своего одноименного романа (1862): "Серебряный... разделял убеждения своего века в божественной неприкосновенности прав Иоанна... никогда не выходил преднамеренно из повиновения царю... Но несмотря на это каждый раз, когда сталкивался с явной несправедливостью, душа его вскипала негодованием, и врожденная прямота брала верх над правилами, принятыми на веру".

Близость ко двору Толстой использовал, хлопоча о возвращении из ссылки Тараса Шевченко, вступался и за славянофила Ивана Аксакова, и за "европейца" Ивана Тургенева. В 1861 году писатель, имеющий к тому времени придворное звание егермейстера, обратился к Александру II с просьбой об отставке: "Служба и искусство несовместимы...", взамен он обещал "говорить во что бы то ни стало правду". Отставку поэт

лимую неприязнь к Софье Миллер – мать Толстого, которая и слышать не могла об этом браке сына. Поэт любил их обеих, и душа его, по свидетельству Владимира Жемчужникова, "разрывалась на части".

В Крымскую войну, в 1855 году Толстой в чине майора направился в действующую армию. Под Одессой, из-за отсутствия докторов ухаживая за тифозными однополчанами, заразился сам. Болезнь выкосила полторы тысячи из состава полка – больше половины "без ухodu" умирали "по 20 зараз". Приехавшая в полк, несмотря на светские условности и двусмысленность их положения, Софья Андреевна выходила больного.

Вскоре после смерти матери Толстого закончилось мучительное противостояние троих, но узаконить брак любящие смогли только весной 1863 года. Наконец-то ему можно было "больше не держать в тайне... женитьбу на Софье Андреевне". Через четыре года выйдет его единственный прижизненный сборник стихов, где почти вся любовная лирика вызвана ею и посвящена ей. Стихия любви – мелодичная стихия; больше половины его

«Служа таинственной Отчизне...»

может умереть, как бы там ни старались разные Чернышевские и Писаревы".

В начале 1859 года, после закрытия славянофильской газеты "Парус", Толстой пишет исповедальное стихотворение, посвященное ее редактору Ивану Аксакову и демонстративно, не боясь монаршего гнева, выносит посвящение в название. Обращаясь к Аксакову, Толстой разделяет его "гражданские стремления и честной речи трезвый звук", но сам он, "служа таинственной Отчизне", слышит "иной глас", невыразимый "на ежедневном языке".

Понятно, что каждому из противостоящих лагерей было лестно иметь на своей стороне глашатая живого слова. Поэт отвечал:

Двух станов не боец,
но только гость
случайный,

За правду я бы рад
поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими досель
мой жребий тайный,

И к клятве ни один
не мог меня привлечь;
Союза полного не будет
между нами –
Не купленный никем,
под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности
друзей не в силах снести,
Я знамени врага
отстаивал бы честь!

"Таинственная Отчизна" грезила поэту в домонгольской Руси с подлинной народной демократией новгородского вече, в Киевском великом княжестве, "когда мы еще были честными".

Один из его любимых героев этой "таинственной Отчизны" – богатырь Илья Муромец из одноименной баллады, суровый независимый бесребренник, которому душно на "князем дворе", для которого высшая ценность – "волюшка моя". Не нужно больших усилий, чтобы разглядеть в Илье самого по-

получил. О готовности же выслушивать правду говорят запрещения к постановке его драм "Царь Федор Иоаннович" и "Царь Борис". Первая из них не сходила со сцены весь XX век.

Его творчество, и прежде всего лирика, дышало его судьбой. Стихотворение "Средь шумного бала, случайно..." – будущий русский романс на музыку Петра Чайковского – стало отражением переживаний поэта после знакомства на балу-маскараде зимой 1850-51 гг. с Софьей Андреевной, урожденной Бахметевой, по мужу Миллер. Ей было 24 года, брак ее был опрометчивым, вызван сердечной драмой, из-за которой погиб на дуэли ее брат. Скоро они с мужем разошлись, не оформив развода.

Толстого потянуло к ней, "как большое животное инстинктивно распознает растение, которое поможет ему вылечиться". Она знала четырнадцать языков, бегло, безукоризненно переводила "с листа", знала мировую историю, литературу, искусство, была незаурядно музыкально образована – низкие, мягкие, сочные тона ее голоса волновали не только Толстого. Состояние, близкое к влюбленности в нее и полному доверию, испытывали многие из окружения поэта. Она не была красивой – качества ума, доброта, грация делали ее прекрасной.

У них была почти невозможная между мужчиной и женщиной любовь-дружба: "Я ощущаю такую потребность говорить с тобой о искусстве, о поэзии, поделиться с тобой всеми моими мыслями...". Главный мотив его писем в их громадной по объему переписке один: "Я все отношу к тебе: славу, счастье, существование без тебя ничего не останется, и я себе сделаю отвратительным".

И тем не менее одна женщина испытывала непреодо-

Козьма Прутков

стихов положено на музыку зачастую по несколько раз Чайковским, Римским-Корсаковым, Мусоргским, Балакиревым, Танеевым, Рахманиновым и еще многими композиторами. Будет в этом сборнике и ставшее песней хрестоматийное стихотворение "Колокольчики мои..." с явными следами оренбургских впечатлений. В Оренбурге он еще побывал дважды: зимой 1851-52 годов и летом 1852-го.

В последние годы он тяжело болел, в поисках лечения много ездил: Англия, Франция, Италия, Германия, но душа была на месте только в родном Красном Роге. Он любил одиночество в весенних лесах – при свете костра и полной луны, и как "потом все просыпается, журавли трубят в горн, утки дуют в трубы, дрозды играют на гобоях, а соловьи – на флейтах". Богатырь духа, как и его герои, он в своей "таинственной Отчизне" жил любовью: "Думая о тебе, я в твоём образе не вижу ни одной тени, ни одной, все лишь свет и счастье...". Великий современник Карлейль назвал бы его жизнь героической, и это так. Жизнь героя-писателя состоялась.

Валерий КУЗНЕЦОВ